

МОЖЕМ ЛИ МЫ ПРОЕКТИРОВАТЬ СЕБЯ САМИ?

В.М. РОЗИН

В ситуации постмодерна, в которой мы все находимся, недостаточно просто рассказать, что мы думаем по поводу той или иной реальности или проблемы, необходимо продемонстрировать, как мы мыслим, какой подход реализуем, когда мыслим. Сюда же относится и наша позиция: с кем мы полемизируем или солидаризируемся. Так вот я выступаю против проектной установки, не вообще, а относительно человека и особенно самого себя. Хотя я могу замышлять себя и пытаться реализовать этот замысел в отношении себя, получается при этом вовсе не проектирование себя, а нечто другое.

На проектную установку в отношении человека вышел еще И.Г. Фихте. «Кто же я, собственно, такой, — спрашивает Фихте, — т.е. что за индивид? И каково основание того, что я “вот этот”»? Я отвечаю: с момента, когда я обрел сознание, я есмь тот, кем я делаю себя по свободе, и есмь именно потому, что я себя таким делаю»¹.

Но значительно раньше св. Августин, пытаясь переделать себя из «ветхого» человека в нового, христианина, с отчаянием восклицал: замышляю одно, а делаю другое.

«Таким образом, две воли боролись во мне, ветхая и новая, плотская и духовная, и в этой борьбе раздиралась душа моя... Между тем я, служивший поприщем борьбы, был один и тот же... По своей же воле дошел я до того, что делал то, чего не хотелось делать... У меня не было никаких извинений. Я не мог сказать, что потому именно доселе не отрешился от мира и последовал Тебе, что не знаю истины; нет, истину я познал, но, привязанный к земле, отказывался воинствовать для Тебя... Я одобрял одно, а следовал другому»².

Получается, что замышлять-то мы можем, но реализовать свои замыслы — только в тех случаях, когда наша природа им не сопротивляется. Л.С. Выготский, вероятно, с этим бы не согласился. Он, как известно, утверждал, что целью психологической практики («психотехники») является «подчинение и овладение психикой». Его концепция психотехники показывает, что существует проблема *соот-*

ношения в личности естественного и искусственного планов. С точки зрения Л.С. Выготского, все естественное в личности на самом деле — это искусственное, психотехническое.

Размышляя над этой позицией, А.А. Пузырей пишет: «Первой реальностью для исследователя в рамках культурно-исторической теории является не психика испытуемого, а само действие по перестройке его психики. Если принимать во внимание только полюс испытуемого и не учитывать факта искусственной перестройки психики с помощью специально изготовленных и особым образом употребленных знаковых средств, то будет упущено главное. Никакого естественного процесса, никакого естественного движения психического аппарата, особенно на полюсе испытуемого здесь нет. Есть только определенная последовательность, ряд актов реорганизации его психики, его поведения. Последовательность тактов развития... в качестве объекта исследования, в качестве минимального объекта изучения мы должны брать не естественные процессы функционирования, а системы психотехнических действий»³.

Идея психотехники в настоящее время является весьма популярной среди людей, занятых самосовершенствованием, поисками истины, спасения или экспериментаторством в отношении самих себя. Этимология этого слова указывает, с одной стороны, на момент техники, инженерного подхода к себе самому, с другой — на «психэ», душу, именно на нее направлена данная техника. Традиционно подобное отношение, действительно, ближе всего к идее самосовершенствования, но сегодня оно нагружено и другими смыслами — сознательное регулирование и изменение своих психических, эмоциональных состояний (наиболее известный пример — практика аутотренинга) и кардинальное изменение самого себя, которое, например, практикуется в эзотерических школах.

В теоретическом отношении не очень понятно, как возможно кардинальное изменение человека со стороны самого себя, ведь для изменения нужно найти своего рода точку опоры вне человека. Где найти эту точку, опираясь на которую человек сам будет себя переделывать? Располагается ли эта опора вне человека? И разве она не подчиняется законам психики?

Не внушает ли себе человек, что он спокоен, уравновешен, добр, может себя изменить и т.д., хотя реально он

этого сделать не в состоянии, однако может притвориться, что он это делает? Не является ли психотехника некой игрой в идеал, т.е. игрой психики? Может быть, на самом деле все это — превращенная форма поведения европейского человека, связанная с тем, что он верит в возможность самоизменения. Можно согласиться, что эта игра имеет определенную адаптивную, сохранительную функцию, скажем, символическое изживание нереализованных идеалов личности.

Отметим общие моменты, характерные почти для всех видов и направлений психотехники, включая и концепцию автопроекта. Во-первых, любая психотехническая работа предполагает ряд, так сказать, психотехнических установок и ценностей: на изменение личности, работу с собой, преодоление себя, изменение своих состояний, переход в эзотерическую реальность и т.п., естественно, специфичные в каждом направлении психотехники. Второй момент — это усилия, направленные на подавление (отказ, снижение значимости и т.п. отрицательные действия) определенных желаний, естественных потенций и устремлений личности, определенных планов ее поведения. Как правило, борьба ведется с теми естественными структурами личности человека, которые не отвечают психотехническим установкам и ценностям, идеалам совершенной личности. Третий момент, в определенном смысле противоположный предыдущему, — культивирование, развитие тех желаний, устремлений, планов личности, которые отвечают психотехническим установкам, ценностям и идеалам. Еще один общий момент, хотя он может проявляться совершенно по-разному, связан с формированием способности произвольно входить в определенные эмоциональные, духовные или психические состояния, начиная от простых чувственных ощущений и восприятий (вызывание у себя ощущений тепла, холода, тяжести, видения определенных цветов, фонов и т.п.) вплоть до сложных переживаний, иногда даже высшего порядка («восприятия» абстрактных идей, образов, сцен, психодрам и т.д.). Для понимания возможностей психотехники особое значение имеют случаи, когда совершенствование не идет, не получается (человек подавляет в себе определенные же-

лания, а они прорываются снова и снова, он пытается жить правильно, но это не получается). В чем тут дело?

Во-первых, нужно признать, что личность в целом не совпадает с человеком, что личность хотя и важная, но все же часть психики человека. Кроме того, личность может ощущаться как много разных Я (разных субъектов в одном человеке): Я идеальное и Я реальное, Я волящее и Я пассивное, несколько Я, реализующих противоположные или просто несовпадающие устремления и планы человека и т.д. Самонаблюдение показывает, что каждое такое Я нашей личности часто претендует на представительство всей личности в целом (манifestирует личность в целом), что разные Я личности взаимодействуют или даже борются друг с другом, что равновесие или согласие разных наших Я не всегда достижимо. Но ситуация еще сложнее: помимо личности в человеке действуют и другие начала. Например, телесность (чувство боли, половое чувство, чувство голода или насыщения, физические силы, энергетические потенциалы организма и т.д.), родовая сущность человека (совпадение его с группой, сообществом, культурой), его духовная сущность (человек как воплощение духа и культа). Опять же наблюдения убеждают нас, что личность нередко вступает в конфликт с телесностью (например, подавляет ее; противоположная ситуация — культивирование телесности), что родовая сущность человека может влиять на личность, даже управлять ею (пример, «затмение разума» на почве религиозных или национальных раздоров), что эгоистическое начало в личности может конфликтовать с его духовной сущностью.

Но если это так, если в человеке действуют несколько равноценных сил и начал (разные Я, телесность, родовая и духовная сущности), то можно предположить, что психотехнические устремления и усилия, если они не совпадают с общим движением (развитием) и ориентацией других начал, будут или успешно гаситься или парализоваться. В этом случае, действительно, психотехническая деятельность будет действовать вхолостую, не приведет к каким-либо изменениям в человеке, хотя вполне может обеспечивать компенсаторные функции личности, например, создавать ус-

ловия для символической реализации устремлений человека к совершенствованию себя.

Если же, напротив, общая ориентация и движение начал и сил человека направлены именно к совершенствованию личности, то в этом случае психотехническая деятельность, направленная на такое совершенствование, волеется в общий поток изменений, усиливая и поддерживая его. Но это значит, что в данном случае помимо психотехнических целей и усилий человек реализует и другие (личностные, родовые, духовные): он совершенствует свою личность, работает над собой, участвует в жизни общества и культуры. Следовательно, в этом случае психотехническая работа осмысленна и эффективна именно потому, что существует и разворачивается в более широком личностном и культурном контексте. Означает ли сказанное, что человек вообще не может изменить себя и что психотехническая работа ничего не дает? Вероятно, нет. Я хотел обратить внимание на другое: насколько этот процесс сложен и негарантирован. Еще одна сторона этой проблемы — чтобы работа над собой стала возможной и реально помогла, человек, вероятно, должен пережить кризис, преодоление которого часто невозможно без внутреннего духовного переворота и помощи других людей.

Но даже если удастся реализовать себя в соответствии с замыслом, возникает принципиальный вопрос: является ли наше действие проектированием? Чтобы корректно ответить на этот вопрос, нужно понять, что такое проектирование.

Исследования показывают, что проектирование становится самостоятельной сферой деятельности, когда происходит разделение труда между архитектором (конструктором, расчетчиком, чертежником) и собственно изготовителем (строителем, машиностроителем). Первые начинают отвечать за семиотическую и интеллектуальную часть работы (конструктивные идеи, чертежи, расчеты), а вторые — за создание материальной части (изготовление по чертежам изделия). Складывается собственно деятельность и реальность проектирования.

В норме проектирование предполагает движение от требований к функциям (функционированию), а также от функций к обеспечивающим их конструкциям (и наоборот,

от конструкций к функциям). В ходе проектирования осуществляется расщепление одних функций на другие, вычленение в сложной конструкции более простых и, наоборот, составление из простых более сложных конструкций (этап проектировочного анализа и синтеза), переход от одних функций и конструкций к другим. При этом проектировщик уверен, что всегда подыщет для функции соответствующую конструкцию, что можно относительно независимо, параллельно разбрасывать план функционирования и план строения объекта (поскольку они постоянно связываются процессом проектирования), что требования, предъявляемые к проектируемому объекту, можно удовлетворить с помощью известных типов функционирования и конструирования. В общем случае такая уверенность опирается на знания – конкретно, на знания прототипов, а также отношений, связывающих функции и конструкции (функционирование и строение)⁴.

Рассмотренные здесь особенности и принципы проектирования характерны только для классического «традиционного проектирования» (инженерного, архитектурно-строительного, технического). Распространение их на другие виды деятельности (градостроительство, дизайн, управление, экономическое планирование и т.п.) затруднено в силу отсутствия или несовершенства научных и опытных знаний о закономерностях функционирования соответствующих объектов (городов, управления, экономики, социокультурной жизни и т.д.). И, тем не менее, экспансия проектирования на эти виды деятельности происходит. Возникают градостроительное проектирование, системотехническое, дизайнерское, эргономическое, организационное проектирование и другие. Все эти виды деятельности можно назвать «нетрадиционным проектированием». В целом нетрадиционному проектированию присуща одна особенность, а именно низкая «проектосообразность». Проекты, созданные в рамках нетрадиционного проектирования, реализуемы лишь частично или предполагают существенную трансформацию (замышляется одно, а получается другое), или не реализуемы вообще. В нетрадиционных видах проектирования, к которым относится и проектирование че-

ловека, как правило, сохраняются две основные проектные процедуры. Во-первых, проектировщик замышляет новый объект, новое качество жизни. Во-вторых, происходит разработка этого замысла: учет и согласование требований, предъявляемых к объекту (заказчиком, проектировщиком, согласующими инстанциями, потребителями и т.д.), конструктивное задание основных элементов и связей объекта и т.д. По сути именно двумя указанными процедурами и ограничивается проектная культура современного нетрадиционного проектирования.

Проектирование может использоваться также не для создания замысла объекта, а для *инициации определенных изменений*, например, обсуждение проекта выступает источником самоорганизации заинтересованных лиц или стимулом для последующих, более совершенных проектов и т.д. Наконец, сегодня термин «проектирование» часто используется в рамках любой организационной деятельности, когда имеют в виду создание замысла чего-либо и деятельность, разворачивающуюся под влиянием самых различных факторов. В этом последнем случае нет установки на соответствие замысла и продукта деятельности. Понятно, что такого рода «проектирование» имеет мало общего с традиционным или нетрадиционным проектированием. Будем называть эти два последних вида «стимулирующим» и «организационным».

Если теперь ставить вопрос о проектировании человека или самого себя, то о каком проектировании идет речь у авторов соответствующего «проекта»: традиционном, нетрадиционном, стимулирующем или просто организационном? Если речь идет о стимулирующем или организационном проектировании, то не возникает никаких проблем: замыслий относительно себя сколько хочешь и что хочешь, а что получится, то и получится.

Платон в «Пире», размышляя о любви, предъявляет требование — мыслить непротиворечиво⁵. Я, подобно Платону, тоже хочу мыслить непротиворечиво. Но не по поводу любви, а своей личности. Другое методологическое требование — мыслить значимо в социальном отношении, поскольку концепция автопроекта, если ее принимать, важна

не только для отдельного человека, но и для многих. Рассмотрю сначала один случай, произошедший со мной много лет тому назад.

Кандидатскую диссертацию я писал сам, без научного руководителя, обобщив исследования, которые вел почти 15 лет. Работа называлась «Логический анализ математических знаний», и была посвящена формированию «Начал Евклида». Защита прошла вполне успешно, друзья даже говорили, что блестяще. Как на грех, кажется, за полгода до защиты моего учителя Г.П. Щедровицкого исключили из партии за то, что он подписал письмо-протест по делу Даниэля и Синяевского и, главное, не захотел потом покаяться перед властью. Хотя Щедровицкий не был моим официальным научным руководителем и вообще не видел диссертацию в окончательном виде, в тексте диссертации я, естественно, ссылаюсь на работы своего учителя, тем более что само это исследование, когда я только что появился на семинаре Московского методологического кружка, было инициировано Щедровицким и неоднократно обсуждалось. Буквально за два дня до защиты меня вызвал ученый секретарь диссертационного Совета университета и, отведя в сторону, сказал:

— Вадим Маркович, вот Вы здесь в литературе диссертации указываете подряд двенадцать работ Щедровицкого. Но ведь, Вы, конечно, знаете, что его исключили из партии. Мало того, только что в «Правде» появилась реплика главного редактора о том, что «марксизм не совместим с щедровитизмом». Мой Вам искренний совет, уберите эту литературу, в ВАКе могут быть большие неприятности.

Как сейчас помню нахлынувшие на меня тогда неприятные ощущения и предчувствия. Подумав, я сказал:

— Я один из первых учеников Щедровицкого. Если я сниму эту литературу и ссылки на Щедровицкого, то открою дорогу другим. Возможно, меня ВАК не утвердит, но лучше уж я буду жить с чистой совестью. Нет, я ничего не изменю.

Ученый секретарь как в воду смотрел: когда диссертация попала в ВАК, ее тут же стали вполне сознательно валить. Началась борьба, которая, казалось, закончилась победой ВАК. Через три года после защиты я получил совершенно неграмотное письмо с решением ВАК, отказывавшим мне в звании кандидата философских наук.

В ответ мои официальные оппоненты (это были три известных доктора философских наук) написали письмо председателю ВАК профессору Елютину с критикой неграмотной экспертизы. Но, пожалуй, решающее значение сыграло другое письмо, под-

писанное Эвальдом Ильенковым, Борисом Грушиным, Василием Давыдовым, Мерабом Мамардашвили (отказался подписать письмо только один человек — Александр Зиновьев). С мнением этих людей ВАК просто не мог не считаться. После этого письма наступил перелом, и события потекли в обратном направлении. Между защитой и утверждением прошло ровно три с половиной года⁶.

Проанализируем этот случай. Во-первых, я оказался в ситуации, которая воспринималась мною как *экзистенциальная проблема*. Во-вторых, я пытался разрешить ее рационально: продумывал возможные решения (убрать литературу и ссылки на Щедровицкого или оставить все как есть) и последствия, что будет, если сделаю тот или иной выбор. В-третьих, в ходе этих размышлений я, образно говоря, добрался до «дна своей души», поняв, что, конечно, для меня невозможно сделать то, что настоятельно советовал ученый секретарь. То, до чего я добрался, — это уже не действие, а некоторое *состояние моего бытия* (экзистенция), кристаллизовавшееся в результате моих рациональных размышлений. Заранее, до этих размышлений, данная экзистенция была мне неизвестна и не дана.

Получается, что целым в данном случае выступает работа по разрешению экзистенциальной ситуации, включающая своего рода замышление (решаю, чему во мне быть, как я буду себя вести), обнаружение присущей мне экзистенции (бытия), новую сборку себя (настраиваюсь на новую жизнь, предполагающую борьбу с ВАКом, возможный отказ в присуждении ученой степени, различные связанные с этим проблемы). И Августин, размышляя о своем сопротивлении собственным замыслам, добрался до дна, выявив свою экзистенцию: он понял, что уже поверил в Бога, но что его воля пока была слаба, а привычки привязывали к земле, что человек един, а зло — это не второе начало, а наша слабость, которая исчезнет, если человек будет трудиться над собой.

Все это очень далеко от проектных и психотехнических представлений. Тем не менее, эти представления возрождаются вновь и вновь. Мне лично больше импонирует экзистенциальное самоопределение Мишеля Фуко. Оно включает в себя следующие положения: конституировать,

делать себя, ориентируясь на реальность, осмысляя ее; сопротивляться тем социальным институтам, которые подавляют личность; делать свою жизнь как произведение искусства; жить и мыслить так, чтобы преодолевать свое прежнее сложившееся бытие; быть открытым новому, переосмысливать и себя и внешнюю реальность и другие.

«Я мечтаю об интеллектуале, — писал Фуко, — который сокрушает очевидности и общие места, который в инерции и ограничениях настоящего находит и отмечает слабые места, трещины, силовые линии, который постоянно находится в движении, не знает точно, куда он двинется и как он будет думать завтра, потому что он уделяет слишком большое внимание настоящему». Фуко интересовала возможность «узнать, в какой степени работа осмысления своей собственной истории может освободить мысль от того, что она мыслит втайне от самой себя, и дать ей возможность мыслить иначе». Быть свободным «означает не быть рабом самого себя и своих стремлений — это подразумевает, что мы устанавливаем с самими собой известные отношения господства, укрощения, которые называются *agche* — власть, сдерживание». Эта критическая функция философии до известной степени проистекает из Сократовского императива: «Занимайся собой», т.е. «Самообладанием положи в основу себя свободу»⁷.

У меня несколько иная картина. Я стремлюсь жить в ладу с самим собой. Стараюсь жить правильно. С одной стороны, я пытаюсь соответствовать своему пониманию того, что есть человек, с другой — критически осмысливать эти свои убеждения. С одной стороны, я следую принципу, что «человек сам себе не судья», с другой — считаю, что критическое отношение к себе — залог правильной жизни. С одной стороны, я принимаю себя таким, какой есть «здесь и сейчас», с другой стороны, я работаю над собой, надеюсь со временем измениться в лучшую сторону. Я не считаю себя гением, но делаю все, чтобы через меня состоялась культура и жизнь. Признаю свою зависимость от других людей и совместность нашей с ними жизни, поэтому стараюсь помочь людям и сделать все, чтобы способствовать культуре. В то же время я как личность готов отстаивать свою свободу

и возможность критического отношения к существующей жизни. Духовность и мышление для меня являются ценностями, и нравственное и порядочное поведение — не пустой звук. Наконец, не исключаю, что могу и заблуждаться по поводу правильности своего пути.

Нетрудно заметить, что представления Фуко (также, кстати, как мои) исходят из убеждения, что нельзя раз и навсегда конституировать жизненный путь личности, что в течение жизни это приходится делать неоднократно. Тем не менее, это не означает, что не существует экзистенциальных универсалий, что жизнь человека можно конституировать произвольно. Мы конституируем себя в пространстве культурных оппозиций и общих условий, которые, конечно же, меняются со временем, но не исчезают вообще. В число этих общих условий и универсалий входят и традиции, которым мы следуем, и одновременно их преодолеваем, и сама работа по конституированию жизни личности. В наше время перемен и перехода во внеэтическую эпоху об этом не стоит забывать, поскольку от характера конституированная себя во многом будет зависеть и качество нашей жизни.

Как правило, экзистенциальный поступок завершает собой сложную и часто длительную *эволюцию личности*⁸. Св. Августин в «Исповеди» рассказывает, как много лет он пытался понять, что такое Бог, и только после ряда кардинальных открытий смог пережить открытие божественной реальности. Так, с помощью сведущих в христианстве людей он уяснил, что тексты Священного писания нельзя понимать буквально, иначе, действительно, будут одни противоречия и несуразицы. Он понял, что Библию и Евангелие надо трактовать иносказательно, аллегорически и символически. Августин последовательно переосмысливает идею христианского Бога: сначала он уходит от антропоморфного понимания Творца, затем пытается представить Бога в виде тонкого эфира или пространства, пронизывающего все вещи, все, но и при такой понимании остаются противоречия. Тогда Августин делает решающий шаг, представляя Бога в виде истины и условия творения. В этом случае Бог везде и нигде, он не антропоморфен, обеспечивает правильное понимание мира, природы и человека, как их Творец и ис-

тина. И одновременно нарастали мучительное неприятие обычной жизни и тяга к христианству. Все это и подготовило поступок и переворот сознания Августина.

Со своим учителем, Г. Щедровицким я разошелся и по содержанию, и в этическом плане, после почти десяти лет самостоятельной работы, смены проблематики исследования (с естественнонаучной на гуманитарную), продумывания своих идеалов, полемики с Щедровицким по поводу подхода и форм работы в Московском методологическом семинаре.

Будучи личностью, человек уже не может действовать как все, по традиции или по обычаю, исходя из общепринятой и общезначимой реальности. Он ищет опоры в самом себе и в мире, который отвечает его убеждениям. Если же его «Я» и мир перестают отвечать его чаяниям, именно в силу эволюции личности, человек рано или поздно переживает кризис и вынужден менять и то и другое. Необходимое условие такой трансформации и метаморфозы — поступок и творчество. Поступок позволяет расстаться с прошлым, оценить его негативно, сделать шаг в будущее. Но чтобы такое расставание и такой шаг стали возможными, личность должна обрести новое видение, выйти на новую реальность, ощутить себя по-новому, что обязательно предполагает творчество — построение дискурса, изобретение схемы, диалог и пр. Например, чтобы обрести и почувствовать Бога, Августин должен был многому научиться и выйти на необычные истолкования как самого Творца, так и Христа. Одним из условий моего разрыва с учителем было продумывание задач методологии и моих устремлений, что предполагало не только рефлекссию, но и изучение ряда тем⁹.

Итак, в своей жизни человек сталкивается с различными экзистенциальными проблемами (ситуациями), которые он переживает и старается разрешить. В результате имеет место «эволюция личности», т.е. направленное развитие, постепенно приводящее к экзистенциальному кризису, к невозможности жить по-прежнему. Формой разрешения кризиса выступает экзистенциальный поступок. Необходимое условие — конституирование себя и реальности во вне. Совершая поступок, человек, с одной стороны, осознает

себя, т.е. уясняет, что для него приемлемо и органично, с другой — конструирует (приписывает себе как личности определенные черты).

Но социальность не сводится только к экзистенциальным ситуациям. Она задается также *социальными практиками*, в рамках которых человеку прививаются определенные социально значимые представления. К числу таких практик относятся: образование, идеология, политика, искусство, наука, а в интересующем нас случае — психоанализ и другие психологические практики. Концепция автопроекта — это установка на создание еще одной психологической практики, в рамках которой человек мог бы себя делать по своим замыслам. Но, спрашивается, какой образ личности при этом предполагается? Если иметь в виду традиционное проектирование, то личность — это всего лишь техника. Если же предполагается нетрадиционное проектирование, то личность — необязательно техника, но, как мы сказали, в этом случае реализация наших замыслов не гарантирована.

Я лично за такие социальные практики, которые не превращают человека в технику, а расширяют его сознание, не расщепляют его, а собирают, позволяют действовать реалистично и в тоже время нравственно и духовно. Опять же, все это далеко от проектных установок в отношении человека и самого себя.

К сожалению, современная социальность в обоих ее аспектах (экзистенциальные ситуации и практики) испытывает человека на прочность: *расщепляет, лишает нравственности, постоянно ставит в ситуации, где он не может продолжать жить*. Но, вероятно, таковы все переходные времена. В результате человек уже не может конституировать себя надолго, напротив, говорит Мераб Мамардашвили, *вынужден периодически себя возобновлять*. «Реальность существует для нас лишь в той мере, говорит Пруст, в какой она воссоздана мыслью... Само человеческое состояние, — а оно является человеческим в той мере, в какой человек освобождается от естественной игры страстей, — это состояние свободы. Это есть то, что каждый раз приходится возрождать»¹⁰.

В настоящее время наметились три ответа (сценария) на вызовы времени (кризисы социальности).

Первый, «по Августину». Да, пока я слаб, говорит он, но я мобилизую все свои силы и пройду намеченный путь. Я с Богом и людьми, я един, буду работать и рано или поздно произойдут изменения в лучшую сторону.

Второй, условно, — «жизнь в двух комнатах». Его можно проиллюстрировать на примере веры и неверия. В одной «комнате» — человек верующий (христианин, еврей или мусульманин), а в другой — рационалист, например, психолог. Возникает естественный вопрос, как это возможно? Здесь есть два разных обстоятельства: одно скорее психологического характера, другое социокультурное. Жить в двух «комнатах» сегодня не более затруднительно, чем жить в двух разных реальностях. Современный человек научился раздваиваться. Большую роль здесь сыграли, с одной стороны, искусство, в реальности которого мы можем входить и долго там жить, с другой — социальные практики (досуг, сферы жизни с разными условиями), позволяющие реально жить разными событиями. Более того, нередко в одной реальности человек действует противоположно тому, как он ведет себя в другой. Например, в публичном пространстве он — законопослушный гражданин или скучный обыватель, а в своих фантазиях или скрываемой от общества жизни — преступник и дерзкая личность. Как часто бывает, современный ученый или политик в своей области — рационалист до мозга костей, а в церкви — почти мистик. Не менее существенно, что в настоящее время вера и религия имеют другой смысл, чем прежде, скажем в Средние века. По социологическим наблюдениям, не более 2 — 5% верующих реально посещают все службы и, главное, живут событиями религиозной жизни, а остальные хотя и называют себя верующими, далеки от Бога. Можно предположить, что именно эти 2 — 5% продолжают сегодня подлинную религиозную традицию. А остальные, они что же, лицемерят? Думаю, нет, хотя у отдельных прихожан и этого исключить нельзя. В целом же люди, идентифицирующие себя как верующие, приходят в церковь или веруют потому, что находят в религии то, чего им не хватает в обычной социальной жизни: например, общения и поддержки («к общине принадлежат те люди, которых я уважаю и ценю, на авторитет

которых можно опереться»), реальность, отчасти противоположную повседневной («здесь живут духовным, возвышенным»), некоторые гарантии («а вдруг, на самом деле “там” что-то есть, тогда лучше я лишний раз схожу в церковь и перекрещусь, меня не убудет»).

Другими словами, в настоящее время вера все больше превращается в один из типов социальности; проблемы спасения или жизнь сакральными событиями воспринимаются большей частью верующих как не более чем ритуал или виртуальный сценарий. В этом случае понятно, что и психологи могут спокойно практиковать теорию деятельности или психоанализ, т.е. дисциплины сугубо естественнонаучные, и одновременно посещать церковь, погружаясь в мистику, лоя возникающие при этом состояния.

Наконец, третий ответ — это патологическое расщепление человека на несколько автономных режимов, каждый из которых идентифицируется человеком как самостоятельная личность¹¹.

Я стараюсь жить «по Августину» и «по Фуко» и, в соответствии со своими экзистенциями, признаю второй и третий сценарии, но считаю их негативными.

Что же, в конце концов, следует из моего размышления? Мы не проектировщики себя, а скорее, «путники-сталкеры». Мы себя замыслием, определенным образом концептуализируем, и пытаемся реализовать свои замыслы, но наши усилия не имеют ничего общего с проектированием себя. Наши усилия по возобновлению собственной жизни способствуют становлению «распределенного целого», фокусами которого выступают экзистенциальная проблема, наши рациональные действия, погружение на «дно души». Результат становления — поступок и конституирование себя. Конституирование себя — только временная «стоянка», с нее начинается очередной этап эволюции личности, который рано или поздно приводит нас к очередной экзистенциальной проблеме, к невозможности жить по-прежнему.

Анализ этих сложных процессов предполагает «нелинейную логику» в двух основных смыслах. Во-первых, все составляющие распределенного целого и оно само устанавливают-

ся в исследовании и практике жизни, которые при этом устанавливаются сами (М. Мамардашвили, А. Пузырей). Во-вторых, наши позиция и подход, как осмысляющего эти процессы, вносит существенный вклад в изучаемый феномен, поэтому так важно их осознать и артикулировать.

Из дискуссии

Х.Э. Мариносян: В нашей дискуссии меня с самого начала интригует сочетание таких понятий, как «личность», «проект» и «авто». Но мы обращаем мало внимания на слово «авто», про-скальзываем его, заикливаясь только на проекте. А что такое автопроект? Насколько автопроект может быть автопроектом? Какова доля, степень именно «авто» в этом проекте? Или наоборот: доминирует воздействие среды, общества, иных факторов, и, может быть даже не в последнюю очередь, собственного подсознания? А насколько подсознание есть «авто»? Или «авто» — это только то, что осознано? Мы должны понять, что имеем в виду под каждым этим словом или, как в данном случае, даже частицей слова. Иначе заявленная тема (на мой взгляд, очень красивая, емкая) размывается. А мы должны максимально раскрыть ее содержание в своей дискуссии. Это послужит для наших читателей, для нас, присутствующих, пищей для последующих встреч и разговоров на страницах журнала.

Г.Л. Тульчинский: У меня вопрос и реплика ко всем. Начну, наверное, с «авто» — в качестве ответа Хачатуру Эмильевичу, потому что в процессе слушания сообщения возникла еще такая интерпретация «авто»: «авто» может быть и автоматическим — автопилот, еще и в этом смысле. И Ваш тезис, история с «подписанством — не подписанством» под этим обязательством, которое на Вас навешивали — это просто двойная ассоциация. Вы не совсем были «естественны», поскольку уже идентифицировали себя с общиной Г.П. Щедровицкого. Этот социальный код в Вас был введен раньше, просто в тот момент, когда от Вас потребовали убрать работы Щедровицкого из библиографии, Вы осознали, насколько он для Вас фундаментален. Но это и была социальность, которая вошла в Вас, может быть, даже раньше во временном порядке. Индивидуальность каждого из нас связана еще и с тем, что в каждом из нас какой-то код введен первым, и все остальное воспринимается на его фоне, через его призму. Получается — кругом социальность. С другой стороны, есть примеры вроде приведенного сообщения Фихте, хотя можно найти и еще более ранние примеры: Сократ, Будда... Это все примеры осознанного, отрефлектированного автопроектирования.

А вопрос у меня к Вам, и отчасти ко всем, такой. Не кажется ли Вам, что то, что вы говорите по поводу шизофреничности, расщепленности, оказывается проявлением жалкого и убогого гендерно оформленного мужского сознания? Ведь мужчина – жалкое и убогое существо, в том смысле, что его надо жалеть, к тому же он, как представитель группы риска, ближе к Богу, чем женщина. Мужчина всегда пребывает «в каком-то одном файле»: ему для того, чтобы перейти «из файла в файл», нужно сначала (сознательно или нет) выйти в директорию. Мужчине можно сделать замечание, а потом пойти с ним пить пиво, потому что это совершенно разные ситуации. А женщина находится во всех жизненных «файлах» сразу, если ей делают замечание, значит, ее не любят. Для нее это – экзистенциальная катастрофа. Отсюда особенности «женской интуиции», чувства перспективы и опасности. Женское восприятие и оценка ситуации более целостны, стереометричны. Поэтому и вопрос: может быть, действительно, то, что мы обсуждаем – проблема чисто мужская, а у женщин такой проблемы нет? Она может в любой «файл» выйти без проблемы, сохраняя осмысленность и целостность своего мира, в центре которого находится она сама.

В.М. Розин: То, о чем я говорил, не имеет никакого отношения к различиям между мужчиной и женщиной. Женщины часто даже более тонко реагируют на разные ситуации. В этом смысле, я бы сказал, что их расщепляет даже еще больше. И они чаще, чем тупые мужчины, понимают, что не могут жить в какой-либо ситуации, что надо действительно что-то менять.

Хотя я согласен, что есть и разные психологии, и разные культуры, мужская и женская. У меня даже есть статья на этот счет.

В.И. Аршинов: Не стоит забывать принцип дополнительности, Юнга, взаимопроникновение инь и ян – и все подобные сюжеты. Давайте будем взаимодополнительны. Мне кажется, это выручает иногда.

А.И. Кузнецов: Целиком согласен с тем, что было сказано: человек ценен только тем, что он сделал из себя сам. Согласен с тем, что для человека, который не умеет плавать, единственный способ не захлебнуться – это дойти до дна, оттолкнуться и идти вверх. С чем я не согласен? Проектность может выступать как источник причин и действия в будущем, она может выступать в качестве силы, противостоящей нашему инерционному развитию.

Ю.В. Шичанина: У меня, собственно говоря, не вопрос, а реплика насчет личности как автопроекта. Понятие проекта в философии с онтологических позиций воспринимается как некое незавершенное, потенциальное бытие. А с точки зрения проектологии или проектирования, мы говорим, что проект – это нечто предпосланное, нечто замысленное либо данное в виде некоего

телоса личности. На мой взгляд, если автопроект вообще возможен, то это — выбор системы референции. Системы референции уже предпосланы: религия, Бог, дух, социальность, наука. А вот с чем я буду себя отождествлять — это мой авторский выбор. В то же время я согласна, что «авто» может быть и «автоматическим». Я могу быть автоматически включена в этот социум, автоматически иметь в качестве системы референции свой пол, свой возраст и какие-то свои профессиональные компетенции. В то же время я могу и не отождествляться с этими структурами. И мое авторство как личности будет заключаться в выборе системы референции. Ну и, поскольку я все-таки женщина, очень хочется ответить, что, конечно, есть такая склонность мужского ума — действовать последовательно, и доказано, что у женщин мыслительный и речевой аппараты устроены иначе: действительно, они могут думать и говорить одновременно о нескольких вещах, способны одновременно находиться в разных системах. С одной стороны, это маргинальность, это шизофрения, это ведет к расщепленности. С другой стороны, это, как теперь говорят, — мультипликативность, или, как говорил В.В. Налимов, «способность распаковывать множество смыслов», их нюансов.

В.М. Розин: Не могу с Вами согласиться, причем — решительно. Я — гуманитарий, но при этом стараюсь все-таки мыслить логично и непротиворечиво. Вы сейчас демонстрируете, на мой взгляд, совершенно другое. Не буду обижать женщин, женское мышление, но Ваша речь такова, что если начать ее анализировать, то в ней одно противоречит другому. Я сторонник того, чтобы мы были гуманитариями и мыслили гуманитарно, где это нужно, или естественно-научно, где это нужно. Но при этом, все-таки, чтобы мысль наша была последовательной, логичной, непротиворечивой. А у Вас через каждый шаг одно отрицает другое.

И, кстати, когда я выстроил свое сообщение, я старался показать, как я мыслю, какая у меня логика. Вы можете ее принимать или не принимать, но вы должны согласиться, что определенная логика была и что она была последовательно выдержана.

Г.Л. Тульчинский: Вадим Маркович, а можно понимать проект как проецирование чего-то на что-то?

В.М. Розин: Я оговаривался, когда делал свое сообщение, что не против того, чтобы мы рассматривали понятие проекта по-разному, но, пожалуйста, зафиксируйте свою позицию, придерживайтесь ее, чтобы можно было следить за вашей мыслью. А когда вы не определяете свою позицию, а просто употребляете слово «проект», я не знаю, что вы имеете в виду. Какой проект? В каком смысле? Я знаю пять-шесть разных пониманий проекта. Конечно, это, может быть, моя беда... Но не думаю.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Цит. по: *Гайденко П.П.* Индивидуум // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. — М., 2001. — С. 106.
- ² *Августин А.* Исповедь. — М., 1992. — С. 103 — 108; см. также: *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки. — М., 1980. — С. 418.
- ³ *Пузырей А.А.* Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. — М., 1968. — С. 87.
- ⁴ См.: *Розин В.М.* Проектирование как объект философско-методологического исследования // Вопросы философии. 1985. № 10.
- ⁵ *Платон.* Федр // *Платон.* Соч. В 4 т. Т. 2. — М., 1993.
- ⁶ Эта история подробно изложена в моем методологическом романе «Проникновение в мышление» (2002).
- ⁷ Цит. по: *Дикон Р.А.* Производство субъективности // Логос. 2008. № 2 (65) — С. 53 — 60.
- ⁸ Обычно сама личность не замечает своей эволюции. Нужна внешняя позиция (М. Бахтин) и рефлексия, чтобы понять, что со мной что-то происходит.
- ⁹ Эволюция личности представляет собой развитие в определенном направлении, обусловленное самыми разными моментами и обстоятельствами (характером занятий, новыми ситуациями, общением с другими и пр.). Как личность человек проживает и разрешает эти моменты и обстоятельства самостоятельно (в результате и происходит направленное развитие). Но необходимое условие самостоятельной активности — приписывание себе и реальности определенных свойств и характеристик (я такой-то, мир и люди такие-то), хотя осознаются они до поры до времени в рамках привычных представлений и мироощущения. Однако рано или поздно эти новые характеристики, обеспечивающие эволюцию, входят в противоречие с привычными. Тогда личности приходится пересматривать привычные представления и совершать поступок.
- ¹⁰ *Мамардашвили М.* Лекции о Прусте. — М., 1995. — С. 97, 119, 189.
- ¹¹ См.: *Розин В.М.* Феномен множественной личности. По материалам книги Дэниела Киза «Множественные умы Билли Миллигана». — М., 2008.